

СПАСИТЕЛЬНИЦА ПРЕДАННОГО ЛОРДА-ДРАКОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЮНЕДИКА ВЕНТФОГЕЛЬ

Юнедика Вентфогель

Спасительница
преданного лорда-дракона

«Автор»

2026

Вентфогель Ю.

Спасительница преданного лорда-дракона / Ю. Вентфогель —
«Автор», 2026

Карина — популярная писательница. Её читатели обожают книги за захватывающие сюжеты и глубоких героев, а редактор уже в который раз восхищается её проработанными, живыми и дышащими мирами. Она заканчивает очередную книгу, и - бам! - просыпается в темноте. В голове — ощущение дикого похмелья. На языке — привкус страха. А какой-то грубый мужик за дверью величает её «ваша светлость» и обещает, что завтра её казнят. Карина вскоре понимает: её похитили психи. Теперь эти психи готовят её к ритуальному убийству после «ночи любви» с их предводителем, которого все называют «лордом-драконом». А сам предводитель носит очень странный аксессуар... Карина даже не подозревает, насколько же она слепа... Примечания автора: книга содержит много телесного, физиологичного и абсурдного юмора и является книгой для тех, кто дотерпит! Книга написана с использованием ИИ в качестве редактора, корректора и частично словообразования.

Содержание

Глава 1. Ничто не предвещало	5
Глава 2. Тьма	8
Глава 3. Утро перед казнью	12
Глава 4. Внутри лорда	14
Глава 5. Даже меньше обычного	17
Глава 6. Логичный вывод	21
Глава 7. Коварный план	25
Глава 8. Великий Герцог	29
Глава 9. Решительные меры	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юнедика Вентфогель

Спасительница преданного лорда-дракона

Глава 1. Ничто не предвещало

Закончить книгу — это всегда маленькая смерть.

Карина откинулась в кресле, глядя на мигающий курсор в конце последней страницы. Половина десятого вечера, за окном ливень барабанил по плафону уличного фонаря, а на экране сияла надпись: «Конец».

Год. Ровно триста шестьдесят пять дней. Две тысячи четыреста страниц черновиков, выброшенных в корзину, три сломанных ноутбука (один она залила чаем от бессилия) и одна депрессия, которая оказалась живучее главного антагониста.

Она потянулась к телефону, чувствуя странную пустоту в груди. Обычно в этот момент хочется плакать или кричать «аллилуйя». Сейчас хотелось только одного — чтобы кто-то подтвердил: это правда, это существует, это не галлюцинация.

Редактор ответил после третьего гудка. Голос у него был сонный, но с нотками привычной готовности к катастрофе.

— Карина, если ты сейчас скажешь, что у тебя опять перекрыт творческий канал и ты хочешь убить героя в шестой главе, я, клянусь, найду твой адрес и застрелюсь прямо на пороге твоей квартиры!

Карина прикрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. Голос прозвучал глухо, но с той интонацией, которой она не позволяла себе целый год — интонацией победителя:

— Сдавай патроны. Я закончила.

На том конце провода повисла тишина. Такая долгая, что Карина даже посмотрела на экран — не сбросил ли. Но связь была активна.

— Ты... — голос редактора сел. — Ты издеваешься? Ту самую? С проклятым третьим актом? Где Элиан должен был воскреснуть, но ты мучилась с мотивацией целых четыре месяца?

— Ту самую. — Карина улыбнулась, ощущая, как губы сводит от усталости. — Он воскрес. Достоинно. Я даже сама всплакнула над последней сценой. Или это был нервный тик... Не знаю.

Редактор шумно выдохнул, и она услышала, как он зашуршал одеялом — видимо, сел на кровати. Когда он заговорил снова, в его голосе появилось то самое профессиональное восхищение, которое Карина всегда ловила с особым тщеславием. Он не просто хвалил, он — разбирал на атомы.

— Карина, послушай. Я работаю с тобой восемь лет. Восемь! И каждый раз думаю: ну, это пик. Выше не бывает. Но то, что ты сделала с мифологией этого мира... — он запнулся, подбирая слова. — Ты же там переписала законы физики. У тебя магия не просто течет по венам героев, она у тебя структурирована как архитектура. Помнишь, ты мне скидывала наброски того языка жестов для народа К'ярр? Я сначала подумал, что это бред сумасшедшего. Но сейчас, в контексте всей книги... Это же не просто «любовное фэнтези». Это антропология! Ты создала культуру, у которой есть своя кухня, свои проклятия и свой способ любить. Я вчера перечитывал вторую главу, ту, где героиня впервые видит Подвесные Сады Астари, и у меня мурашки пошли. У меня, циничного червя, который за карьеру прочитал три тысячи рукописей! Там свет падает так, будто я сам там стою. Господи, Карина... Ты как это делаешь?!

Карина слушала, рассеяннo наматывая на палец провод зарядки. Слова редактора лились бальзамом, залечивая микротрещины в ее измученной психике. Он был прав — мир получился

плотным, дышащим. Таким, в который хотелось сбежать от реальности, где год не писалась ни строчка, где постоянные дедлайны давили на горло, а муза вела себя как капризная стерва, уезжая в неизвестном направлении без предупреждения.

— Спасибо, — сказала она просто. — Скину файл на почту через пару часов. Спи.

— Не усну теперь. Буду сидеть и ждать. И, Карина... с тебя бутылка.

Она положила трубку и уставилась в потолок. Пустота в груди начала медленно замещаться чем-то теплым. Она заслужила это. Заслужила этот момент абсолютной, бездумной радости.

«Винишко. Хочу», - подумала она.

Не какое-то там коллекционное, выдержанное, под которое нужно подбирать бокал и сыр. А простое, терпкое, красное, в стеклянной бутылке с незамысловатой этикеткой. То самое, которое пьют, откинувшись на диване, включив дурацкий сериал и ни о чем не думая.

Карина накинула джинсы, сверху — свитер, в котором ходила дома, не глядя засунула ноги в кеды. Дождь за окном немного стих, превратившись в мелкую противную морось. Машина — старый, но верный внедорожник — стояла под козырьком двора. Она любила его за чувство безопасности: высоко, мощно, не страшны ни ямы, ни дураки на дороге.

До закрытия магазина оставалось полчаса.

Стеклянные двери противно пискнули, когда она вошла. Внутри пахло кофе и дезинфекцией. Парень за кассой лениво листал ленту соцсетей, не обращая на нее внимания. Карина прошла прямо к стеллажу с вином. Взяла ту самую, к которой тянулась рука, — «Каберне Совиньон», цена средняя, вкус предсказуемый. Еще прихватила шоколадку. Гулять так гулять!

Расплатилась, коротко кивнув кассиру, и вышла в ночной город. Морось холодила лицо, и это было приятно. Она поставила пакет на пассажирское сиденье, пристегнула его ремнем безопасности — смешно, но бутылку было жалко. Затем завела мотор.

Дорога домой была почти пустой. Фонари расплывались в мокром асфальте оранжевыми мазками. Дворники методично счищали воду со стекла, создавая гипнотический ритм. Карина включила музыку — тихо, просто чтобы фоном. В голове медленно, как старые фотографии, прокручивались сцены из законченной книги. Она вспомнила момент, когда герой впервые поцеловал героиню на фоне заката над Морем Осколков. Этот закат она переписывала семнадцать раз, пока не добилась того самого оттенка — «цвета разбитого рубина».

Она улыбнулась своим мыслям.

Впереди горел зеленый свет. Она ехала на него, чуть сбавив скорость из-за скользкой дороги. Улица была широкой, разделенной сплошной линией. Карина бросила взгляд на пакет с вином, предвкушая, как откроет бутылку, нальет полный бокал и просто выдохнет.

Она не заметила, как откуда-то сбоку — с парковки торгового центра или из переулка — вылетели два слепящих белых глаза.

Визг шин разорвал тишину. Легковой седан, темно-серый, почти сливающийся с мокрым асфальтом, несся прямо на неё. Он двигался по встречной полосе, виляя, как раненое животное. Карина не успела испугаться. Время сжалось, превратившись в тягучую резину.

Она увидела лицо водителя — расплывчатое пятно за стеклом, освещенное тусклым светом приборов. Увидела, как капли дождя на капоте той машины разлетаются веером. Увидела, что расстояние между ними сокращается со скоростью, не оставляющей шанса на торможение.

Руль в её руках стал продолжением её воли. Мысль была одна, короткая, как удар ножа: «Нельзя в лобовую».

Она крутанула руль влево, туда, где за разделительным газоном темнела пустая встречная полоса, которую она только что освободила. Внедорожник послушно, но с каким-то утробным рыком, сорвался с траектории. Её бросило в сторону, и она инстинктивно вцепилась в руль, чувствуя, как машину начинает заносить. Пакет с вином и шоколадкой слетел с пассажирского сиденья и глухо ударился о бардачок.

Визг тормозов, скрежет металла, вой мотора — все смешалось в один сплошной шум. Белые фары пронеслись в сантиметрах от её двери, ослепив на мгновение. А потом мир перестал быть линейным.

Внедорожник, подчиняясь резкому движению руля и мокрому покрытию, пошел юзом. Карина крутила руль в обратную сторону, пытаясь выровнять машину, но гравитация играла по своим правилам. Асфальт уходил из-под колес, и перед глазами мелькали мокрые столбы освещения, летящие куда-то вбок, черное небо, серая полоса дороги и снова — слепящий свет фонаря, к которому её заносило всё быстрее и быстрее.

Глава 2. Тьма

Сознание возвращалось не сразу.

Сначала была пустота — вязкая, абсолютная, без мыслей, без образов. А потом пришла боль.

Карина открыла глаза, но разницы не почувствовала.

Вокруг была тьма.

Эта тьма была плотной, осязаемой, давящей на зрачки. Казалось, кто-то завязал ей глаза черной тканью, только ткани не было.

Голова.

«Господи, что с головой?»

Боль пульсировала в висках тяжелыми, размеренными ударами, отдавая в затылок и куда-то глубже, в шейные позвонки. Каждый удар сердца отзывался новым всплеском тошноты. Она попыталась сглотнуть, но язык прилип к нёбу, во рту было сухо, как в пустыне. Губы потрескались, и она ощутила солоноватый привкус — то ли кровь, то ли что-то еще.

Скулу саднило. Карина осторожно дотронулась до левой щеки и поморщилась: кожа была горячей, натянутой, под пальцами чувствовалась припухлость. Царапина или ушиб. Она не помнила, откуда это.

А потом до нее дошло другое.

Сыро. Очень сыро.

Она лежала на чем-то твердом, холодном и мокром. Ладони, которые она машинально прижала к полу, чтобы приподняться, ощутили шершавую, скользкую поверхность.

Это был камень, покрытый тонким слоем влаги.

Карина медленно, с трудом перекатилась на бок, пытаясь встать на четвереньки. Голова тут же закружилась с такой силой, что перед глазами вспыхнули белые круги. Ее затошнило, она замерла, дыша ртом, пережидая приступ. Пол под ней покачнулся.

Подол платья был мокрым.

Она опустила руку, нащупывая край ткани, и пальцы сжали плотную, пропитанную водой материю. Платье. Почему на ней платье? Она отчетливо помнила джинсы, свитер, кеды. Карина провела ладонью по бедру — ткань была длинной, почти до пят, с каким-то рельефным узором, который она не узнавала. Это было не ее платье.

Сердце забилось быстрее, разгоняя боль в голове до нового уровня.

«Где я? Что случилось?»

Последнее, что она помнила, — руль, вырывающийся из рук, мокрый асфальт, летящий навстречу седан и визг шин, переходящий в сплошной гул.

Авария.

Она попала в аварию. Но тогда почему она здесь? В больнице пахнет лекарствами и хлоркой, а здесь пахло иначе.

Карина принялась, и желудок сжался от неприятного узнавания.

Запах был спертый, тяжелый. Пахло сыростью, гнилью, старым деревом и еще чем-то кислым, что вызывало стойкую ассоциацию с чем-то давно забытым, нежилым. Погреб. Подвал. Место, где не бывает солнца, где вода сочится сквозь стены, и никто не проветривает эти стены годами.

Она попыталась сесть.

Это оказалось сложнее, чем она предполагала. Тело слушалось плохо, мышцы казались ватными, каждый рывок требовал нечеловеческих усилий. Карина оперлась рукой на сырой камень пола, и вдруг пальцы погрузились во что-то липкое и склизкое.

Она отдернула руку, как от удара током. Пальцы были перепачканы чем-то, имеющим плотную, студенистую консистенцию. Это было холодным и противным, оставляющим на коже пленку. Карина замерла, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Она не знала, что это. Не хотела знать. Какая-то лужа на полу, но не водянистая, а густая, неприятная.

Она сидела не двигаясь, боясь сделать лишнее движение, боясь снова коснуться этой дряни. Тьма вокруг казалась живой.

А потом что-то коснулось ее руки.

Карина вскрикнула. Хотя это скорее был сиплый выдох – горло перехватило спазмом. Прикосновение было быстрое, суеливое: что-то маленькое пробежало по тыльной стороне ее ладони, задев кожу острыми коготками. Она почувствовала, как по руке скользнуло что-то гладкое — хвост. А затем — шорох. Быстрый, сухой, удаляющийся.

Мышь. Или крыса. Какое-то мелкое животное, обитающее в темноте, которое приняло ее неподвижное тело за часть этого подземелья.

Тварь побежала дальше, и Карина услышала, как шорох затих где-то в углу, растворившись в тишине. Тишина снова стала полной. Ни капель, ни ветра, ни звуков города. Только ее собственное прерывистое дыхание и гулкая пустота.

Собрав остатки сил, Карина облокотилась спиной на стену. Камень был ледяным, влага тут же пропитала ткань платья на спине, но это ощущение отрезвило, дало точку опоры. Она сидела, прислонившись к стене, раскинув ноги по скользкому полу, и пыталась справиться с головокружением.

Глаза привыкли к темноте, но это не помогло. Тьма здесь была абсолютной, не оставляющей даже шанса на тени. Карина различала только какое-то смутное светлое пятно, размытое, словно сквозь толщу воды. Оно находилось высоко, очень высоко, на границе видимости. Может быть, под потолком. Может быть, это щель, через которую пробивается уличный свет. Может быть, окно подвала.

Карина снова дотронулась до своего лица, провела пальцами по скуле — саднило. Потом опустила руку и поморщилась, снова нащупав край подола. Чужое платье. Сырой камень. Запах гниения. И абсолютная, давящая тишина, в которой не было места привычному миру.

Она должна была быть дома. С вином и шоколадкой!

Она не должна была быть здесь!

— Эй, — позвала она. Голос прозвучал хрипло, чуждо, и эхо, родившись где-то в пустоте, лениво перекатилось по стенам, возвращаясь к ней чужим, искаженным шепотом. — Есть кто?

Тишину разорвал скрежет.

Звук шел откуда-то слева. Кто-то возился с дверью. Она слышала, как ржавые петли нехотя поддаются, как что-то тяжелое отодвигается в сторону. Задвижка. Мощная, металлическая, от которой закладывало уши, когда её сдвигали с места.

Карина попыталась повернуть голову в ту сторону, и мир накренился. Она вцепилась пальцами в каменный пол, удерживая равновесие.

Дверь — если это вообще была дверь — приоткрылась.

Свет, просочившийся в проем, был тусклым, дрожащим, словно от масляной лампы или старого факела.

А потом она услышала голос.

Он был грубым, низким, скрипучим, как та самая дверная петля. Голос, который мог принадлежать только человеку, привыкшему отдавать приказы в темноте и не привыкшему получать ответы.

— Ну что? — голос прокатился по подвалу, ударился о стены и вернулся глухим эхом. — Ваша светлость...

В этом обращении было столько яда, что Карина физически ощутила, как он обволакивает её, липкий и мерзкий. Насмешка. Презрение. И что-то еще, от чего по спине пробежал холод, не имеющий ничего общего с сыростью камня.

— Крысы достаточно хорошо вас развлекают?

Карина открыла рот, пытаясь выдавить из себя хоть слово. Губы дрожали, язык не слушался, горло сжималось спазмом. Она хотела сказать: «Кто вы?», «Где я?», «Вы ошиблись, я не та, за кого меня принимаете». Но из груди вырвался лишь хриплый, нечленораздельный звук.

Голос за дверью не обратил на него внимания. Или сделал вид.

— Не переживайте, — продолжал голос, и теперь Карина слышала в нём ухмылку, которая растягивает губы на лице, которого она не видела. — Завтра наконец вас выведут на белый свет, и вы всем покажете свою мерзкую натуру перед своей смертью.

Смерть.

Слово упало в темноту тяжелым камнем, разбивая остатки спокойствия. Карина почувствовала, как холодная волна поднимается от желудка к горлу, смешиваясь с тошнотой и головокружением. Ей показалось, что стены начали сдвигаться.

А потом что-то с глухим стуком ударилось о каменный пол.

Древесина.

Звук был именно таким — сухой, деревянный, что-то упало на камень совсем рядом с дверью.

— Нате вот, — бросил голос, и теперь в нём не было даже той насмешки. Одна голая, равнодушная брезгливость. — Пожрите, что ли, перед концом.

Дверь начала закрываться.

Светлая полоса поползла вверх, сужаясь, превращаясь в тонкий серп, а затем и вовсе исчезла, поглощенная тьмой. Карина успела увидеть только силуэт — широкий, сутулый — и всё. Скрежет повторился. Задвижка встала на место с противным скрежетом. Петли поскрипели и успокоились. А затем снова наступила тишина.

— Эй! — Карина наконец выдавила из себя слово. Оно вышло сиплым, чужим, разбившимся о каменные стены. — Эй! Вы ошиблись! Послушайте!

Ни звука в ответ. Только её собственное дыхание и мерный стук крови в висках.

Она попыталась подняться, но ноги не слушались. Голова закружилась с новой силой, и Карина упала обратно на четвереньки, больно ударившись коленями о камень. Тьма плыла, наливалась чернотой, а в ушах всё еще звучало: «перед своей смертью».

Смерть. Завтра. Выведут на белый свет.

— Нет, — прошептала она пересохшими губами. — Нет, вы меня с кем-то путаете. Я не...

Но договорить не получилось. Горло сжалось, и Карина замолчала, понимая бессмысленность этих слов. Кто бы ни стоял за той дверью, он не слушал.

Она вспомнила про упавшую деревяшку.

Медленно, стараясь не делать резких движений, протянула руку в ту сторону, откуда пришел звук. Пальцы шарили по холодному мокрому камню, натываясь на мелкие камешки, на какую-то труху, на что-то склизкое, от чего она поспешно отдёргивала руку. Наконец они наткнулись на дерево.

Это была грубая миска. Карина подтянула её к себе, ощупала. Внутри что-то было. Теплое, влажное, с резким, удушающим запахом.

Она поднесла миску к лицу, втянула носом воздух, и её едва не вывернуло на месте.

Это была похлебка. Какая-то жижа из разваренных корнеплодов, от которой несло затхлостью, горечью и еще чем-то неуловимо противным. Жир пленкой затянул поверхность, и запах этот был настолько чуждым, настолько не имеющим ничего общего с той жизнью, которую она знала, что Карина на мгновение ощутила себя в каком-то страшном, нелепом сне.

Она попыталась проглотить.

Осторожно поднесла миску к губам, сделала маленький глоток. Теплая жижа скользнула в рот, и Карину тут же свело судорогой. Вкус был отвратительным — соленая горечь, привкус сырой земли, что-то жирным слоем осело на языке. Желудок сжался, отказываясь принимать пищу. Карина поспешно отставила миску, и та с глухим стуком перевернулась, расплескивая содержимое на камень.

Голова закружилась так, что стены, которых она не видела, пошли ходуном. Скула пульсировала болью в такт сердцу.

Её несколько раз вырвало кислой жидкостью, которая обожгла горло и оставила во рту привкус желчи.

Она повалилась на бок, обессиленная, чувствуя, как мокрый пол холодит щеку. Дыхание вырывалось прерывисто, с хрипом. Пальцы судорожно сжали подол мокрого платья, ища хоть какую-то опору в этом мире, который перестал подчиняться законам реальности.

Рядом с лицом она ощутила что-то сухое, колючее.

Солома.

Карина протянула руку, нащупала шершавые, ломкие стебли. Она подтянулась, подвинула солому поближе, пытаясь устроиться поудобнее. Голова гудела, пульсировала, каждое движение давалось с трудом.

Она легла на бок, поджав колени к груди, подложив руку под голову. Солома кололась, пахла прелью и мышами, но это было лучше, чем лежать лицом в мокрый камень. Холод пробирался сквозь ткань платья, сквозь кожу, добирался до костей. Карину трясло, но она уже не понимала, от холода это или от ужаса.

Смерть. Завтра.

«Мерзкая натура...»

Слова крутились в голове, перемешиваясь с обрывками воспоминаний: редактор, вино, фары на встречной, руль, выворачивающийся из рук.

Она должна была разбиться на той дороге, в своей машине, в своих джинсах и свитере. А не лежать здесь, в чужом платье, в подвале, где пахнет гнилью, и кто-то называет её «ваша светлость».

Она хотела думать, разобраться, найти объяснение. Но голова отказывалась работать, мысли путались, распадались на куски, тонули в пульсирующей боли. Веки тяжелели. Темнота вокруг становилась не просто отсутствием света — она становилась тягучей, мягкой, убаюкивающей.

Глаза закрылись сами собой. Она чувствовала, как проваливается куда-то — не в сон, а в глубокий, черный колодец, где нет боли, нет страха, нет вопросов. Солома колола щеку, подол платья противно лип к ногам, но она уже не могла с этим бороться.

Последнее, что она осознала перед тем, как сознание окончательно отключилось — это ровное, спокойное течение собственного дыхания.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох...

Глава 3. Утро перед казнью

Карина проснулась резко.

Не постепенно, не выныривая из глубины сна, а словно её кто-то дернул за ниточку, привязанную к позвоночнику. Веки распахнулись сами собой, и все та же самая тьма уставилась на неё в ответ. Голова теперь болела не так оглушающе. Кружилась.

Она попыталась встать.

Ноги не слушались. Карина уперлась ладонями в пол, подтянула колени, попробовала приподняться — и тут же повалилась обратно, едва успев подставить локоть, чтобы не разбить лицо. Слабость была такой, будто из неё выкачали все силы, оставив только пустую, хрупкую оболочку. Максимум, на что оказалось способно её тело — сесть, прислонившись спиной к холодной стене, и вытянуть ноги на соломе.

Она сидела, дыша медленно и осторожно, боясь спровоцировать новый приступ тошноты.

Взгляд снова устремился к светлому пятну. Оно никуда не делось — всё такое же размытое, далёкое, недостижимое. Окно. Или щель под потолком. Карина смотрела на него, пытаясь понять время суток. Свет не изменился — ни ярче, ни тусклее. Значит, либо прошло не так много времени, либо там, наверху, всегда одинаково серый день.

Она не знала, сколько проспала. Часы? Сутки? Время здесь потеряло смысл.

Скрежет задвижки раздался, внезапно, и Карина вздрогнула. Боль в затылке отозвалась короткой вспышкой. Она замерла, глядя в сторону двери.

А потом услышала голос. Тот самый, грубый и скрипучий. Но теперь он обращался не к ней.

— Выглядит плохо, мой лорд, — говорил кто-то за дверью. В голосе слышалась брезгливость, перемешанная с чем-то, похожим на подострастие. — Вы уверены, что вам следует смотреть на... На это жалкое зрелище?

Пауза. Тишина. И снова голос — теперь ниже, словно собеседник ответил что-то, чего Карина не расслышала.

— Ну что ж, воля ваша.

Дверь открылась. Не как в прошлый раз, а во всю ширь.

Свет хлынул в открытый настежь дверной проём, и Карина зажмурилась, прикрывая лицо рукой. Даже этот тусклый, дрожащий свет после долгого пребывания в абсолютной тьме казался ослепительным.

Свет падал откуда-то сверху — возможно, факел или лампа в коридоре, — и он заливал прямоугольник двери неровным, мерцающим сиянием. Карина не могла сфокусироваться, края предметов плыли, теряли чёткость, и всё, что она видела, напоминало сон или картинку сквозь мутное стекло.

В этом расплывчатом проёме стоял человек.

Карина вглядывалась, но лица разобрать не могла. Черты расплывались, превращаясь в однородное пятно.

Однако силуэт она видела чётко.

Он был высоким. Очень высоким. Намного выше того, кто приходил в прошлый раз. Под два метра. Широкие плечи, узкая талия, длинные ноги — всё это угадывалось в тёмном, неясном контуре, который застыл в дверном проёме, заслоня собой свет.

Мужчина. Безусловно, мужчина. И он смотрел на неё.

Карина хотела что-то сказать. Открыла рот, но язык за время сна словно отсох.

Мужчина дёрнул рукой — резкое, отрывистое движение, словно он хотел что-то показать, или протянуть, или, наоборот, отдать приказ. Карина не поняла. Она видела только размытое движение длинной руки, и всё.

А потом он вздохнул.

Звук был низким, глубоким, идущим из самой груди. Этот вздох прокатился по подвалу, коснулся стен и вернулся к ней чужим, искажённым эхом.

— Подготовьте всё, — сказал он и отвернулся.

Голос был низким. Бархатным. Тем голосом, который хочется слушать в тишине, закрыв глаза. Но сейчас в нём не было тепла — только ледяное спокойствие, от которого по спине побежали мурашки.

Вдруг мужчина замер.

Словно что-то услышал. Или вспомнил. Или передумал. Он стоял. И молчал.

Карина снова попыталась заговорить. Она сжала пальцами солому, набрала в грудь воздуха, напрягла горло.

— По... — выдавила она. Голос прозвучал чужим, хриплым шёпотом. — Пожалуйста...

Мужчина не двинулся с места. Но она чувствовала — он слышал. Он стоял и слушал, как она мучительно пытается выдавить из себя слова, которые застревают в пересохшем горле.

— Кто... — прошептала Карина, и голос сорвался.

А потом мужчина медленно повернулся к ней.

Карина смотрела на него, щурясь от расплывчатого света за его спиной. Лицо по-прежнему оставалось размытым — она не могла различить ни глаз, ни губ, ни выражения. Но сейчас её взгляд приковало не лицо.

В районе его паха горел свет.

Карина моргнула. Сначала она подумала, что у неё галлюцинации — от удара, от слабости, от всего этого кошмара. Но свет не исчезал. Это был яркий свет, источник которого был прикреплён где-то спереди, на поясе или на пряжке. Он горел, слегка пульсируя, и выглядел абсолютно неуместно.

Фонарик. В районе паха.

Карина смотрела на это маленькое яркое пятно, и её пересохшее горло издало какой-то произвольный, полужадушенный звук. Не смех — скорее, спазм. Абсурдность происходящего ударила по сознанию с такой силой, что голова закружилась сильнее. Она сидит в сыром подвале, в чужом платье, её называют «ваша светлость» и обещают вывести на смерть, а перед ней стоит человек под два метра ростом, с голосом как тёмный шоколад, у которого...

«У него в районе паха висит фонарик!»

Мужчина замер. Она чувствовала, что он смотрит на неё, хотя и не видела его глаз. Свет фонарика слегка качнулся — он сделал какое-то неуловимое движение.

Карина открыла рот, пытаясь снова заговорить. Хотела спросить: «Кто вы?», «Где я?», «Почему у вас фонарик на штанах?». Но из горла вырвался только хриплый, едва слышный звук. Язык не слушался, губы потрескались и слипались.

И в этой странной, нелепой, почти гротескной неподвижности мужчины было что-то такое, от чего Карине стало не по себе сильнее, чем от грубого голоса за дверью. Потому что этот человек — высокий, молчаливый, с бархатным голосом и светом в районе паха — не уходил. Он стоял и смотрел на неё. И что-то в его позе, в этом замершем силуэте, говорило о том, что он не собирается уходить быстро.

Глава 4. Внутри лорда

Стоять напротив открытой двери собственного подземелья и чувствовать, как в штанах разгорается пожар — такого с лордом Эдмундом де Крофордом, герцогом Пертомберлендским, не случалось никогда за его триста сорок семь лет.

«О боже».

Сначала он подумал, что это галлюцинация. Или последствие вчерашнего эльфийского вина, которое он на спор выпил с капитаном стражи. Но вино давно выветрилось, а огонь... Он становился всё осязаемее.

«Что горит? Горит! Там горит! У меня горит!»

Эдмунд опустил взгляд. Света в коридоре было достаточно — факелы горели ровно, масляные лампы мерцали, и в этом свете он отчётливо увидел, как ткань его новых шёлковых штанов начинает тлеть прямо в районе паха.

«Больно! Нет... Не больно. Тепло...»

Странное, разрастающееся, пульсирующее тепло разгоняло кровь по венам быстрее, чем любой допинг.

Он смотрел, как ткань чернеет по краям, как из-под неё пробивается золотистое свечение, и где-то на периферии сознания мелькнула мысль:

«Это же метка!»

Он читал о ней. В старых свитках, которые хранились в закрытом отделе библиотеки. В книгах, которые ему запрещали читать, пока он не достиг семидесяти пяти лет, совершеннолетия. Метка истинности. Редчайшая из драконьих меток. Одна на тысячу драконов!

«Неужели это оно?»

Ткань прогорела окончательно, и наружу вырвался язык золотистого пламени — ровный, красивый. Он горел, не причиняя боли, освещая каменный пол под ногами тёплым, живым светом. Знак того, что истинная пара — та, что создана самой судьбой, той, чья кровь заставит загореться пламя драконьего страстного сердца — находится рядом.

«Неужели это оно? Метка истинности?...»

Он не успел додумать.

Внутри него — глубже, чем сердце, чем лёгкие, чем сам позвоночник — зашевелился ОН. Его дракон. Его вторая ипостась.

Этот величественный мудрый ящер почувствовал истинную пару.

И он заорал.

— ДА! ДА! НАША ИСТИННАЯ! ИСТИННАЯ ПАРА! ОНА ГДЕ-ТО РЯДОМ! СРОЧНО! СРОЧНО! НАЙДИ НАШУ ИСТИННУЮ ПАРУ! НАКОНЕЦ-ТО, НАКОНЕЦ-ТО МЫ МОЖЕМ!..

Голос внутри звучал так, будто тысячу лет просидел в клетке и только что увидел открытую дверь.

Эдмунд поморщился. Мысленно, разумеется. Внешне он сохранял каменное выражение лица, привычное для парламентских заседаний.

«Господи, кто? Марта? Но Марты здесь нет.»

Марта, младшая сестра Изабеллы. Та, которая помогла вскрыть предательскую натуру его жены. Миловидная, тихая, с приятными манерами и формами, с волосами цвета спелой пшеницы и голосом, похожим на журчание ручья. На ней он планировал жениться после того, как казнь Изабеллы поставит точку в этом дурацком деле о покушении.

Но Марты здесь не было.

Эдмунд повернул голову к стражнику Берту. Тот стоял у стены, вытянувшись в струнку, и смотрел прямо перед собой, старательно делая вид, что не замечает горящего паха своего лорда.

«Боги, только не Берт. Пожалуйста, пусть это будет не...»

— НЕТ, НЕ БЕРТ, — рыкнул дракон, и в его голосе послышалось облегчение. — СЛАВА БОГАМ, НЕ БЕРТ.

— Слава богам, — тихо выдохнул лорд одновременно с драконом, и только потом осознал, что говорит вслух. Стражник удивленно поднял бровь, но промолчал.

«Тогда кто? Неужели...»

Он медленно, стараясь сохранять достоинство, повернулся в сторону открытой двери.

Он посмотрел туда, куда вел его внутренний зов — в глубину темницы, на слой соломы, где сидела, прижавшись к стене, та, кого он приказал бросить сюда месяц назад.

Изабелла.

Он не помнил ее лица. Честно. Когда месяц назад стражники приволокли ее в замок, он, будучи не в силах смотреть на свою тогда еще возлюбленную, только приказал: «В подвал. Разберемся потом».

И вот теперь...

Пламя между ног вспыхнуло ярче.

— ДА! ДА, ЭТО ОНА! ЭТО НАША ИСТИННАЯ! — дракон внутри него метался из стороны в сторону, как угорелый. — НАКОНЕЦ-ТО МЫ ЕЁ НАШЛИ! СКОРЕЕ! ХВАТАЙ ЕЁ! ОСЫПАТЬ ЗОЛОТОМ! ВСЕМИ УКРАШЕНИЯМИ НА СВЕТЕ! ДРАГОЦЕННОСТЯМИ! СОКРОВИЩАМИ! НАША ИСТИННАЯ! МЫ ЕЁ НАШЛИ! СРОЧНО! ХВАТАЙ ЕЁ! СОИТИЕ! ОНА ДОЛЖНА РОДИТЬ НАМ ДРАКОНЧИКОВ!

Эдмунд замер.

«Ч... Что?!»

Он смотрел на женщину перед собой, и реальность врезалась в него, как таран.

«Изабелла?! Эта... эта...»

Он не мог подобрать слова. Не потому, что их не существовало. А потому, что всё, что он видел, кричало о том, что его дракон — древний, мудрый, гордый — рехнулся окончательно и бесповоротно.

Женщина, которую звали Изабеллой, которую он сегодня собирался казнить, выглядела так, будто месяц просидела в темнице.

Потому что она месяц просидела в темнице.

На ней было то самое платье, в котором её арестовывали — некогда зелёное, а теперь серое от грязи, с подолом, который казался мокрым насквозь. Эдмунд прищурился, стараясь разглядеть Изабеллу в свете своей метки и коридорных факелов, и с ужасом осознал, что это не просто сырость.

«Боже, она обмочилась.»

Рядом с её бедром темнела лужа. Рядом с лужей — ещё одна, поменьше, с подозрительно кислым запахом, который даже отсюда долетал до его чуткого драконьего носа.

Рвота. Её вырвало, и она даже не сдвинулась с места, просто лежала рядом с этим.

Волосы Изабеллы висели сальными сосульками, свалившиеся в колтуны. И в этих колтунах...

Эдмунд присмотрелся.

В волосах что-то было.

— ОНА ДОБЫТЧИЦА! ОХОТНИЦА! — взревел дракон у него в голове, и Эдмунд физически ощутил, как зверь бьётся изнутри, требуя вырваться наружу. — СМОТРИ! ОНА ПРИНЕСЛА НАМ КРЫСУ! САМАЯ ЛУЧШАЯ! САМАЯ ИСТИННАЯ! НАША! ХВАТАЙ ЕЁ! ТАЩИ В ПЕЩЕРУ! СОИТИЕ! ДРАКОНЯТА! СРОЧНО! СРОЧНО!

— Она не охотилась, — прошептал лорд вслух. — Она просто... крыса сама... застряла...
— НЕТ, ЭТО ДАР! ДАР ИСТИННОЙ! ОНА ПРИНЕСЛА НАМ КРЫСУ! ВЕЛИЧАЙШИЙ ДАР!

Лорд закрыл глаза.

Запутавшаяся в волосах Изабеллы крыса была мёртвой.

Эдмунд видел это совершенно отчётливо. Маленькое серое тельце, хвост, застрявший в волосах на затылке, стеклянные, мёртвые глаза, которые смотрели прямо на него.

У его бывшей жены, которую он собирался казнить, в волосах застрял труп крысы!

И дракон требовал немедленно с ней спариться.

Эдмунд перевёл взгляд вниз. На свои штаны.

Шёлковые штаны.

Новые.

Дорогие.

Сшитые лучшим портным столицы из ткани, которую везли из-за Трёх Морей два месяца. Штаны, пошив которых он ждал еще целый месяц. Штаны, за которые он отдал двести золотых! Штаны, в которых он планировал появиться на ближайшем заседании Королевского Парламента, чтобы наконец-то выглядеть так, как подобает герцогу его положения.

И эти самые штаны были прожжены насквозь. В районе паха зияла аккуратная, обугленная по краям дыра, из которой бил огонь.

«Уничтожены.»

Он смотрел на эту дыру, и где-то на периферии сознания билась неуместная мысль:

«Зачем я вообще решил сегодня надеть шёлковые? Я же всегда ношу кожу! Всегда! Триста сорок семь лет — и всегда кожу! Нет, я решил, что раз сегодня казнь, раз нужно выглядеть представительно, раз приедет...»

Он представил, как заходит в зал парламента через три дня. В прожжённых штанах. С горящим членом. Под взглядами двадцати герцогов и самого короля.

«Меня же засмеют.»

— ПРОЙДЁТ! — рявкнул дракон, явно подслушав его мысли. — ПОСЛЕ СОИТИЯ ВСЁ ПРОЙДЁТ! НУЖНО СРОЧНОЕ СОИТИЕ! САМОЕ БЫСТРОЕ! САМОЕ ИСТИННОЕ! НАША ИСТИННАЯ ЖДЁТ!

Эдмунд снова посмотрел на Изабеллу.

Она сидела на соломе, в луже собственной мочи и рвоты, с мёртвой крысой в волосах, и смотрела на него мутными, ничего не понимающими глазами.

Пламя между ног горело ярко и, кажется, даже весело.

— НАША ИСТИННАЯ! — в последний раз рявкнул дракон, и в этом рёве было столько счастья, сколько Эдмунд не слышал за всю свою долгую жизнь.

Он стоял в коридоре собственного замка, смотрел на женщину, которую собирался казнить, и от которой воняло за версту, чувствовал, как горит его член и прожжённые магической меткой истинности штаны, как где-то глубоко внутри него дракон продолжал радостно вопить о соитии, драконятах и немедленном хватании истинной пары, и пытался понять, в каком именно месте его идеальный план по женитьбе на Марте пошёл под откос.

— Ваша светлость? — робко спросил стражник. — Всё в порядке?

— Подготовьте ванну, — сказал он после небольшой паузы голосом, в котором не дрогнул ни один мускул. — И позовите лекаря.

— Для неё, ваша светлость?

Эдмунд помолчал.

— Для меня, — сказал он. — Мне, кажется, нужна помощь.

Глава 5. Даже меньше обычного

Дорогой читатель, далее следует глава, из которой ты вряд ли узнаешь что-то важное для книги.

Это будет просто внутренний монолог одного из сотен стражников, служащих в этом замке. Можешь пропустить эту главу. А можешь прочитать.

Каким будет твоё решение?

Берт стоял у стены, вытянувшись во фрунт, и старательно смотрел в точку на противоположной стене. Там, где-то на уровне третьего камня кладки, было особенно интересное пятно. Очень интересное. Заслуживающее самого пристального изучения. Если присмотреться, то оно чем-то напоминало пьяного единорога.

Он не смотрел на горящий лордов член.

Он абсолютно не смотрел на горящий лордов член!

«Блин», — подумал Берт, и мысль эта была настолько громкой, что он испугался, не услышал ли её лорд. Лорд, кажется, не услышал. Лорд смотрел на ту, что сидела в камере, и выражение лордова лица было таким, будто ему в голову прилетел кирпич.

Берт рискнул скосить глаза.

Пламя горело ровно, золотисто, и ткань вокруг него медленно тлела, расплываясь черными хлопьями.

«Это же та самая метка истинности», — осознал Берт, и у него пересохло во рту. — «Я в сказках про неё слышал. Ну, мать рассказывала. Говорила, у троюродного племянника дяди её мужа вон раз в родне было. Драконья метка. Редкая. Один на... На много. И если загорелась — значит, истинная пара рядом».

Он посмотрел на камеру. Туда где была женщина в грязи и с мёртвой крысой в волосах.

«Это что же? — мысль пришла тяжелая, как мешок с песком. — Это что же, лордыня... Лордыня Изабелла, которую месяц пытали... ну, допрашивали... и которую через час должны были казнить... Она истинная пара нашего лорда?!»

Берт сглотнул.

«Он же теперь не будет её казнить».

В животе похолодело.

«Черт!»

Он вспомнил. Вчера. Или позавчера? Когда это было? Он стоял здесь же, на посту, а Петэр принёс ужин для заключённой. И Берт сказал... Он сказал Петэру...

«Я назвал её ничтожеством».

Нет, не так.

Он не назвал. Он сказал Петэру. Сказал, что «эта ничтожная дура» выглядит так, будто её уже казнили, только ей не сказали. Сказал тихо, вполголоса, когда спускался с подносом.

«Но вдруг она слышала? Не должна была. У неё же драконьего слуха нет, она ж человек. Или есть? Она же была замужем за драконом, может, уже и слух драконий передался? Нет, так не бывает. Или бывает?»

Он попытался вспомнить, где стоял, открыта была дверь или закрыта? Он говорил в коридоре. А она была в камере. Стены толстые, дверь толстая. Но вдруг? У неё мог быть хороший слух.

«Меня же уволят».

Берт почувствовал, как по спине стекает холодный пот.

«Не уволят — заставят грязь жрать с пола. Или ещё хуже. В рудники отправят. Или в северные бастионы, снег носом нюхать и спаривающихся ледяных троллей разгонять. Их всегда разгоняют, чтоб не плодились сильно».

Он стоял, пытаясь сохранить каменное лицо, а внутри у него всё кипело.

«И Петэр этот ещё! Петэр, тварь такая, нажрался где-то, а я его уже полчаса жду, чтобы смениться. Полчаса! Ноги затекли, спина болит, а этот гад где-то вино глушит, а я тут стой и смотри на горящий...»

Он снова скосил глаза. Пламя не думало гаснуть.

«Придёт - разобью ему лицо нахрен. Достал уже бухать! Вчера тоже опоздал, и позавчера. Я капитану скажу. Пусть его штрафуют. Или в ночную смену ставит на месяц. Обещал, что придёт вовремя, и где он? Нет его. А я стою. И стою. И стою».

Берт представил, как врезает Петэру. Как тот падает, как из носа течёт кровь. Стало чуть легче.

«А потом пойду домой».

Мысль о доме согрела.

«Нет, не домой. Чеснок заканчивается».

Он даже прикрыл глаза от удовольствия, представляя.

Лавка чесночного торговца в Нижнем ряду. Как там пахнет! Как пахнет, когда заходишь внутрь — этот острый, пряный, пьянящий дух, который прочищает лёгкие до самого дна.

«Надо будет зайти. У этого торговца всегда много разного чеснока. И жгучий, и сладковатый, и едкие сорта — такие, что язык печёт до слёз. Ещё вон тот, фиолетовый, с крупными зубчиками, его хорошо в похлёбку класть. И дикий, мелкий, для настоек. И молодой, зелёный, он сейчас как раз поспевает...»

Берт ощутил, как во рту собралась слюна.

«Куплю головок пять. Нет, десять. А лучше сразу два фунта! Два фунта разного, на любой вкус. И сушёного возьму, и свежего. И себе, и сестре отнесу, она любит...»

Он на мгновение забыл, где находится.

«А потом зайти к Гертруде».

Тут мысли потекли медленнее, теплее.

«Гертруда мне носки заштопает. Хорошая баба Гертруда. Руки у неё умелые, быстро всё делает, аккуратно. И носки, и рубахи, и, если что прохудилось — всё зашьёт, не пожалуется. Жалко, что...»

Он вздохнул.

«Носки штопает всем подряд. И не только носки. И не только штопает. Я видел, как она на рыночной площади с мясником болтала. И с кузнецом. И с этим, как его, с аптекарем. Все к ней ходят. Все».

В груди шевельнулось что-то кислое.

«А так бы я на ней женился. Дом бы свой был, огород, чесноку бы насажал, Гертруда бы штопала, я бы из караула приходил, горячая похлёбка, в очаге огонь...»

Он постоял, помечтал.

«Но она всем штопает. И всем... ну, это. Всем. А мне нужно, чтобы только мне. Ладно... Носки заштопает, и ладно».

Берт снова скосил глаза на лорда.

Пламя всё ещё горело.

«Блин, метка истинности, ну надо же. Хотя странно, конечно. Я думал, что драконий... ну... хрен... будет большим. Драконьим. Ну, таким... Огнедышащим, огромным, как у тех тварей в легендах. А он, ну...»

Он прищурился, стараясь, чтобы движение глаз было совсем незаметным.

«Какой-то обычный. Даже, даже меньше обычного».

Он задумался. Перебрал в памяти всех, кого видел в общей бане после смены.

«У нашего кузнеца и то, больше. Я в бане видел. Кузнец — мужик здоровый, и всё у него здоровое. А уж у кузнеца сына — тот вообще! Как булава! А тут — лорд, герцог, древний род, драконья кровь, метка истинности, а... ну, скромно. Очень скромно. Может, от холода сжалось? Хотя какой тут холод, когда аж штаны прожгло? Или так и должно быть у драконов в человеческом облике? Может, когда он в дракона превращается, тогда оно становится... огромным? Наверное. Точно. Не может же дракон с таким... маленьким... летать и огнём плевать. Вон кузнец и то больше, а он простой человек. А лорд — древний род, магия, всё такое. Значит, там есть что скрывать. Просто сейчас не видно из-за огня. Да. Наверное. Надо будет Петэра спросить, он в этих делах... А, Петэр! Тварь! Где его носит?!»

Злость вернулась, и Берт сжал зубы.

Лорд повернул голову. Берт мгновенно вытянулся, уставившись в своего пьяного единорога на стене. Он чувствовал взгляд — тяжёлый, рассеянный, лорд явно думал о чём-то своём.

— Ваша светлость, всё в порядке? — спросил Берт, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

Внутри же у него всё кричало: «У него член горит! Какой порядок?! У тебя член горит, ваша светлость! А я стою тут и делаю вид, что это нормально! Что это вообще нормально — стоять в коридоре подземелья и смотреть на горящий член своего лорда, пока тот пялится на свою бывшую жену с мёртвой крысой в волосах, которую мы месяц пытали, а теперь оказывается, что она его истинная пара, и казни не будет, и меня уволят за то, что я назвал её дурой, и Петэр не идёт, и чеснок надо покупать, и Гертруда штопает носки всем подряд!»

Лорд вздохнул — тяжело, глубоко, как человек, который только что понял, что ему вместо коня продали трех гномов в плаще.

Берт стоял смирно, смотрел в стену и ждал.

Пламя между ног лорда горело ровно, спокойно, как будто так и надо.

Глава 6. Логичный вывод

Свет ударил по глазам, а в нос ударил воздух.

За время, пока Карина была в подземелье, она забыла, что существует что-то помимо воню.

Её куда-то вели. Грубые руки держали её под локти, приподнимая, когда ноги подкашивались. Она пыталась идти сама, но ступни скользили по каменным ступеням, мокрый подол путался, и каждый шаг давался так, будто она тащила на себе мешок с камнями.

— Осторожнее, ваша светлость, — сказал кто-то справа.

Карина не ответила. Она вообще перестала что-либо понимать.

Они вышли на свет, и мир превратился в одно большое пятно. Карина открыла глаза, пытаясь разглядеть хоть что-то, но всё вокруг было как сквозь толщу мутной воды — очертания терялись, цвета смешивались, предметы не имели границ. Она видела какие-то размытые тёмные массы, которые, вероятно, были стенами. Видела светлые пятна, которые, наверное, были окнами. Видела силуэты людей — бесформенные, без лиц, без черт, просто движущиеся тени.

«Я ослепла», — подумала она, и сердце ухнуло вниз.

То есть не совсем ослепла. Она видела свет. Но видела так, как будто смотрела сквозь матовое стекло.

Её вели дальше. Коридоры. Лестницы. Ещё коридоры. Карина перестала считать повороты, перестала пытаться запомнить дорогу — всё равно это было бесполезно.

Потом её завели в какое-то светлое помещение. Здесь было тепло, пахло паром и травами.

— Оставьте нас, — сказал женский голос. Молодой, звонкий, с нотками суетливой заботы.

Руки, державшие её, отпустили. Карина покачнулась и, если бы её не подхватили новые руки — мягкие, тёплые, — непременно рухнула бы на пол.

— Ваша светлость, осторожно, — пропела женщина. — Сейчас, сейчас, мы вас в порядок приведём. Всё будет хорошо.

Карина попыталась сфокусироваться на лице женщины. Ни губ, ни носа, ни выражения. Просто пятно.

— Кто вы? — спросила Карина, и голос прозвучал хрипло, чуждо.

— Я Милли, ваша светлость. Я буду за вами ухаживать.

Карина попыталась запомнить имя. Зачем — она не знала.

— Здесь лохань с горячей водой, — продолжала Милли, ведя её куда-то в сторону. Карина почувствовала, как воздух стал влажнее, теплее. — Я помогу вам отмыться. Всё, всё смоем, всё плохое оставим позади. Вот, осторожно, здесь край.

Карина нащупала ногой деревянный борт. Пальцы коснулись тёплой воды. Лохань была огромной.

— Давайте я помогу вам раздеться, ваша светлость.

Чужое вонючее платье сняли с неё, как кожуру с фрукта. Карина не сопротивлялась. У неё не было сил даже на то, чтобы стыдиться своей наготы. Она стояла, пока Милли развязывала какие-то шнурки, отпарывала какие-то крючки, бормотала что-то успокаивающее, и чувствовала, как её тело дрожит — то ли от холода, то ли от всего сразу.

— В воду, ваша светлость, — сказала Милли, и Карина послушно перешагнула через край.

Горячая вода обожгла кожу, и это было хорошо. Карина опустилась в лохань, и мышцы, сведённые судорогой, начало медленно отпускать.

— Сейчас я вам голову помою, — Милли суежилась рядом, что-то шуршало, плескалось. — Вы только расслабьтесь, ваша светлость. Всё будет хорошо.

Карина закрыла глаза. В темноте под веками боль в голове казалась чуть тише.

Руки Милли запутались в её волосах. Пальцы скользили по спутанным колтунам, осторожно, стараясь не дёргать. Карина слышала её частое дыхание, чувствовала, как та возится, пытаясь распутать узлы.

— Ай! — Милли вскрикнула громко, испуганно.

Карина дёрнулась, открыла глаза.

— Что такое?

Пауза. Слишком долгая пауза.

— Нет-нет, ничего, ваша светлость! — голос Милли был неестественно бодрым, слишком весёлым. — Не переживайте, просто... просто... всё хорошо. Просто у вас волосы сильно спутались.

Руки вновь принялись за волосы, но теперь движения были более осторожными, какими-то... нервными. Карина чувствовала, как пальцы перебирают пряди, распутывая колтуны. Что-то в этих движениях было странное. Служанка старалась не касаться чего-то конкретного, обходила какую-то зону.

«У меня там что,дохлая крыса в волосах? Или чего она так испугалась?» — мелькнула абсурдная мысль в голове Карины.

— Всё хорошо, — повторяла служанка. — Всё хорошо, я сейчас, сейчас... Просто... Волосы сильно спутались.

Карина услышала, как что-то шлёпнулось на каменный пол. Служанка выдохнула, и её руки снова стали спокойными.

— Всё, всё, ваша светлость, — Милли снова была рядом, её руки вернулись к волосам, теперь уже с какой-то маслянистой жидкостью. — Сейчас мы всё распутаем. Сейчас мы вас в порядок приведём. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо.

Она повторяла это как заклинание. Карина не спрашивала, что случилось. Она смотрела в расплывчатый потолок, чувствовала тепло воды, которая постепенно остывала, и пыталась понять, где она находится.

В это же время в замке...

Слухи расползались быстрее, чем пожар в сухую ветреную погоду.

Повариха видела, как Изабеллу — ту самую, которую должны были казнить — провели через главный двор. В сторону восточного крыла. Где лучшие покои.

Конюх слышал, как лорд Эдмунд приказал готовить ванну. Сначала для себя, но потом резко сказал: «Нет. Для неё.»

Кто-то из охраны видел, как лорд заперся у себя в покоях и никого не пускает. Даже камердинера. Даже старого Годфри, который служит ему тридцать лет.

— Что случилось? — шёпотом спрашивали слуги друг у друга, сбиваясь в кучки в коридорах. — Почему её не казнили?

— Говорят, лорд передумал.

— Передумал? После месяца допросов?

— А что, не может? Он лорд. Его воля.

— А как же Марта?

Марта — сестра Изабеллы — стояла у окна в западной галерее, сложив руки на груди, и смотрела на дверь восточного крыла. Её лицо было белым, губы сжаты в тонкую линию. Слуги, проходя мимо, делали вид, что не замечают её, но за углом уже перешёптывались:

— Всё, не видать Марте брака с лордом.

— Как не видать? А что ж он тогда?

— А кто его знает? Может, лорд решил жену простить?
— Изабеллу? После того, как она яд ему в вино подсыпала?
— Так не доказали же до конца. Месяц тянули, а прямых улик так и не нашли. Может, лорд понял, что зря?
— Ох, не зря. Я слышала, она призналась под пыткой.
— Под пыткой кто угодно признается. Ты бы не призналась?
— А Марта-то, Марта... Как же она теперь? Говорят, она уже и платье заказала к свадьбе.
— Невеста невестой, а вышло-то вон как.
— А почему он её помиловал-то? Кто знает?
— Там Берт был. В подземелье. Он должен знать.
— Берт? А где Берт?
— А Берт, говорят, как Петэр на смену пришёл — подрался с ним и ушёл. Взял три выходных.
— Три выходных? И кто ж ему разрешил?
— Никто. Говорят, врезал Петэру хорошенько и ушёл. Сказал, что уходит и всё. Капитан только рукой махнул, говорит, пусть отойдёт, а то всех перебьёт. Где сейчас — никто не знает. Но вернётся — расспросить.
— А пока...
— А пока пусть носки у Гертруды заштопает.
Слуги захихикали, прикрывая рты ладонями, и разбежались по своим делам.

Карина сидела в горячей воде уже неизвестно сколько времени.

Милли закончила мыть ей голову — долго, тщательно, пальцы её путались в колтунах, но она терпеливо распутывала каждый узелок. Карина слышала, как она несколько раз отходила, чтобы выбросить сбившиеся в колтуны волосы, как тяжело вздыхала, возвращаясь.

— Сейчас, ваша светлость, сейчас, — бормотала Милли. — Ещё немного, и вы будете как новенькая.

Карина молчала. Она смотрела на размытые очертания комнаты — большие тёмные пятна мебели, светлый прямоугольник окна, дрожащие блики от свечей, которых было много, но которые она видела как золотистые мазки.

«Я ничего не вижу», — подумала она спокойно, почти отстранённо. — «Я почти ничего не вижу. Это из-за аварии? Наверное. Я ударилась головой. Или...».

Это был не страх. Он кончился там, в темноте, когда она проснулась в луже. Теперь была только усталость и странное, отстранённое любопытство.

«Меня похитили», — размышляла Карина, пока Милли поливала ей волосы тёплой водой из ковша. — «Опоили. Увезли. И теперь я здесь. А в отраве было что-то, что лишает зрения. Или нет. Но зачем?»

Она попыталась воссоздать цепочку событий. Авария. Она крутила руль, потом — темнота. А потом этот подвал, запах сырости, голоса. Её называют «ваша светлость». Говорят о какой-то казни. О какой-то мерзкой натуре, которую она должна показать перед смертью.

«Это психи», — решила Карина. — «Какая-то секта. Или группа сумасшедших, которые играют в средневековье. Они меня похитили, держали в подвале, а теперь... теперь готовят к ритуальному убийству».

Мысль была абсурдной, но другой у неё не было.

«Инопланетяне», — поправила она себя, и это прозвучало не менее абсурдно.

«Сымитировали аварию, забрали, теперь проводят какие-то эксперименты. Темница, потом этот... лорд с горящим... нет. Бред. Слишком антуражно для пришельцев. Им бы проще, стерильнее, с трубками и датчиками».

«Или параллельный мир. Или я в коме после аварии, и это у меня галлюцинации».

Последнее казалось самым правдоподобным. Кома. Мозг нарисовал картину: она где-то в больнице, в реанимации, а всё это — бред умирающего сознания.

«Тогда почему я чувствую воду? — спросила она себя. — Почему я чувствую, как эта девушка трогает мои волосы? Почему у меня болит голова? Почему я ничего не вижу?»

— Готово, ваша светлость, — Милли помогла ей выйти из лохани, укутала во что-то мягкое и тёплое. — Сейчас я вас одену, и вы отдохнёте. Вам нужно отдохнуть. Много отдыхать. Лекарь сказал...

Карина не слушала. Она стояла, позволяя себя одевать, как куклу, и смотрела в размытое окно.

«Ритуальное убийство», — думала она. — «Казнь. Они хотят меня казнить».

Она вспомнила тот грубый голос за дверью: «Завтра наконец вас выведут на белый свет, и вы всем покажете свою мерзкую натуру перед смертью».

«Значит, меня готовят к казни. Сначала отмыли, теперь приведут в порядок, оденут красиво, а потом...»

Милли закончила одевать её, провела по коридору в какую-то комнату и усадила на что-то мягкое — кровать, поняла Карина, опускаясь на перину, проваливаясь в неё почти по пояс.

— Вам нужно поспать, ваша светлость, — сказала Милли, поправляя одеяло. — Рядом будет Мария. Зовите её, если что-то будет нужно.

«Буду пока подыгрывать. Попробую потянуть время, а там...»

Карина кивнула. Она смотрела в расплывчатый потолок, чувствуя, как веки тяжелеют.

«Психи», — подумала она в последний раз перед тем, как провалиться в сон. — «Меня похитили психи. И теперь они будут меня казнить».

И это было единственное объяснение, которое хоть как-то укладывалось в происходящее.

Глава 7. Коварный план

Марта стояла у окна в западной галерее и смотрела на дверь восточного крыла, за которой скрылась её сестра.

«Чёрт».

Мысль была короткой, ёмкой и не передавала и десятой доли того, что творилось у неё внутри. А внутри творилось такое, что если бы кто-то заглянул в её душу, то немедленно вызвал бы священника, экзорциста и, возможно, пожарных. Две бригады.

Целый год она потратила на то, чтобы заполучить лорда себе в мужа.

Марта вспомнила тот день, когда впервые переступила порог этого замка. Изабелла встретила её с распростёртыми объятиями — наивная дура, даже не подозревала, зачем младшая сестра на самом деле приехала «погостить на пару месяцев». А Марта смотрела на лорда Эдмунда — высокого, статного, с холодными миндалевидными глазами-омутами и бархатным голосом — и понимала: это её судьба. Не Изабеллы.

Её!

И она начала играть.

Марта слушала лорда. Запоминала, что ему нравится, а что вызывает раздражение. Любит тишину по утрам — она научилась ходить по замку бесшумно. Не выносит запах варёной капусты — она убедилась, что кухня больше никогда не подаёт это блюдо к его столу. Предпочитает женщин, которые умеют слушать, а не болтать — она стала идеальной слушательницей, кивала, улыбалась, задавала правильные вопросы, если это было уместно.

Она делала всё так, как ему нравится.

А потом она подставила сестру.

Это было красиво. Марта до сих пор гордилась этим планом. Яд в кубке лорда — не смертельный, только вызывающий слабость и тошноту, чтобы создать видимость покушения. Ложный донос, написанный чужим почерком. И главное — улика, подброшенная в покои Изабеллы, найденная служанкой. Всё сошлось идеально.

Лорд был вне себя от ярости. Месяц расследования, месяц допросов, месяц, в течение которого Изабелла гнила в сыром подzemелье.

Как же славно, что она в итоге созналась в том, чего не совершала! Под пыткой, конечно же...

И Марта была рядом. Успокаивала лорда, подносила травяной отвар, выслушивала его гневные тирады о неблагодарности и предательстве.

Она заслужила благодарность.

И даже больше, чем благодарность. Три дня назад, когда стало ясно, что Изабеллу казнят, лорд посмотрел на неё как-то особенно. Долго. Внимательно. Сказал: «Вы были мне доброй опорой в эти тяжёлые дни, леди Марта. Это не останется незамеченным».

Она поняла намёк. После казни, конечно, придётся выждать траур, а потом... свадьба.

Марта уже выбрала цвет платья.

И вот теперь всё рухнуло.

Лорд передумал казнить Изабеллу. Он вытащил её из темницы, отмыл, одел и поселил в лучших покоях восточного крыла.

«Почему?! — мысль билась в голове, как птица в клетке. — Почему он передумал?! Что произошло?!»

Марта попыталась поговорить с ним. Она подошла к дверям его покоев, поправила причёску, одёрнула платье и вежливо постучала.

— Ваша светлость, можно ли мне войти? Я принесла вам отвар из шиповника, вы вчера жаловались на головную боль...

— Уйди.

Голос из-за двери был резким, как удар хлыста. Марта вздрогнула, но не отошла.

— Я просто хотела предложить свою помощь. Если что-то пошло не так с расследованием, возможно, я могла бы...

— Уходите, леди Марта! Идите проверьте цветы в саду! Или погуляйте! Просто уйдите!

Она отошла от двери, чувствуя, как горит лицо. Проверить цветы. Она — леди, племянница барона — должна идти проверять цветы. Как садовник!

«Чёрт, чёрт, чёрт!»

Марта вернулась в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать, перебирая в голове варианты.

Гадалка.

Она вспомнила про гадалку. Ту самую, старую каргу с рынка, которая отказалась служить самому королю. Она обещала, что всё сбудется. Марта ходила к ней месяц назад, когда сомнения начали грызть её изнутри.

Старуха смотрела в мутную воду, что-то бормотала, водила костлявыми пальцами над чашей, а потом сказала:

«Если тот, за которого ты хочешь замуж, увидит соперницу в течение трёх дней до смерти соперницы — он останется с этой женщиной».

Марта тогда не придавала этому значения. Но потом, когда узнала, что лорд перед казнью хочет лично посмотреть в глаза Изабелле, чтобы попытаться разглядеть в её глазах хоть каплю раскаяния, она запаниковала.

«Увидит. Он увидит её. За три дня до казни. Значит, он останется с ней?»

Этого нельзя было допустить.

И Марта решила действовать. Она подсыпала яд в еду Изабеллы — какой-то старый порошок, который хранился у неё ещё с тех пор, как она травила мышей в родительском доме. Действует медленно, но верно. Изабелла должна была умереть в темнице за день до казни, и лорд бы не увидел её живой.

Но Изабелла была жива.

Яд не сработал.

«Видимо, старый, — подумала Марта, стискивая зубы. — Испортился. Даже крысы, наверное, к нему уже привыкли».

Значит, нужно было что-то новое. Более мощное. Более надёжное. Чтобы с первого раза — и никаких вариантов.

Марта накинула плащ и вышла из замка.

Рынок кипел, даже несмотря на приближающийся вечер. Марта шла между рядами, пряча лицо под капюшоном, и искала нужную лавку. Ту, что в глубине, в тени, за мясными рядами, где пахло кровью и пряностями.

Теневой продавец — маленький, юркий человечек с жидкой бородёнкой и масляными глазами — хитро посмотрел на неё.

— Госпожа ищет надежное средство?

— Да. Сильное, — сказала Марта, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Чтобы подействовало быстро. Чтобы никакой лекарь не спас.

Продавец понимающе кивнул, порылся в мешке и протянул ей маленький стеклянный флакон с мутноватой жидкостью.

— Эликсир трёх минут, — прошептал он. — Выпьет — и через три минуты сердце остановится. Без запаха, почти без вкуса. Смешайте три капли с вином или похлёбкой — не почувствует.

Марта заплатила, не торгуясь. Спрятала флакон в рукав и быстрым шагом направилась обратно в замок.

Кухня гудела вечерней суетой. Повара готовили ужин, слуги сновали с подносами, в очаге трещали дрова. Марта зашла через боковую дверь, что вела в кладовую с припасами, и, никем не замеченная, проскользнула к столу, где стояла миска с похлёбкой для восточного крыла.

«Для Изабеллы», — подумала она, доставая флакон.

Крышка не поддавалась.

Марта нажала пальцами — туго. Попробовала провернуть — не идёт. Стекло было гладким, пальцы соскальзывали. Она попыталась поддеть крышку ногтем — бесполезно.

«Чёртова пробка!»

Время уходило. Сейчас придут слуги, унесут похлёбку, и она упустит момент. Второго шанса может не быть.

Марта оглянулась. На кухне было шумно, никто на неё не смотрел. Все давно привыкли, что Леди Марта часто проверяет работу кухни.

И тогда, отчаявшись, Марта сделала то, на что не решилась бы никогда в жизни — сунула флакон в рот и попыталась открыть зубами.

Пробка поддалась.

Слишком внезапно. Флакон дёрнулся в руках, и тёплая, вязкая жидкость хлынула прямо в открытый рот.

Она подавилась, закашлялась, выплюнула остатки обратно во флакон. Но часть — приличная часть — уже ушла внутрь.

«Три минуты», — пронеслось в голове. — «Через три минуты сердце останавливается. Моё сердце!»

Марта бросила флакон на какую-то полку.

Придерживая юбки, она выбежала из кухни. Слуги оборачивались, но она не обращала внимания. Только вперёд. К уборной. К ближайшей уборной в северном коридоре.

Она влетела внутрь, захлопнула дверь и рухнула на колени перед горшком. Палец в рот — глубже, глубже. Её вырвало. Раз, второй, третий, пока желудок не скрутило судорогой, выворачивая наизнанку всё, что там было.

Марта сидела на полу, тяжело дыша, вытирая рот рукавом.

«Я не умру. Я выплюнула всё. Я не умру».

Её губы искривились в облегченно-истеричной улыбке.

Она подождала минуту. Две. Три. Сердце билось ровно, спокойно. Никакой остановки.

«Слава богам, пронесло».

Она выдохнула, выпрямилась, поправила платье. Нужно было возвращаться на кухню. Похлёбка наверняка ещё там. Флакон, возможно, ещё на полке.

«Нужно успеть, пока его не нашли, нужно подлить яд снова, только теперь аккуратно, не в рот себе, а в миску...»

Живот скрутило.

Марта охнула, согнулась пополам, вцепившись в край горшка. Судорога прошла волной, и она поняла, что ещё секунда — и случится то, о чём она не успела подумать.

Громкий, продолжительный, неприличный звук разорвал тишину уборной.

Марта замерла.

То, что последовало дальше, было унижительным, мучительным и не имеющим ничего общего с благородной смертью от яда.

Она сидела на горшке, не в силах подняться, не в силах даже выпрямить спину. Живот крутило, выкручивало узлами. Каждые несколько минут накатывала новая волна, и Марта только успевала хватать ртом воздух.

Час. Два. Три.

Она сидела в уборной, смотрела на трещину в стене и пыталась осознать произошедшее.

«Это не яд, — поняла она наконец. — Это слабительное. Он продал мне слабительное».

Гнев поднялся внутри неё, горячий и праведный. Этот мелкий, юркий торговец с маслеными глазами взял у неё деньги — приличные деньги! — и вместо смертельного эликсира подсунил какое-то дерьмо, которое превратило её в ходячий фонтан.

«Я должна на него пожаловаться! Я должна найти его и...»

Она остановилась.

«Пожаловаться? Кому? Стражникам? Сказать: «Я пыталась купить яд, чтобы убить свою сестру, но мне продали подделку»? Да меня саму повесят раньше, чем я договорю».

Марта вздохнула, сжимая край горшка.

«Жаль, что это незаконно, — подумала она с тоской. — Жаль, что я не могу подать на него в суд. За обман потребителей. За некачественный товар. За то, что он... что он...»

Живот скрутило снова.

Марта застонала, уронив голову на руки.

Смеркалось. За окном уборной темнело небо. Марта сидела на горшке уже неизвестно сколько часов, и мысли её текли медленно, как закипающий дёготь.

С одной стороны — она жива. Яд оказался слабительным, и она не умерла. Это хорошо.

С другой — продавец её обманул. Изабелла жива. Лорд не казнит её. И Марта сидит в уборной с рычащим животом и пытается решить, чего в этой ситуации больше — трагедии или фарса.

Она посмотрела на дверь. Где-то там, в восточном крыле, её сестра — грязная, вонючая — отмокала в горячей ванне и готовилась разделить ложе с лордом.

А она, Марта, сидела на горшке и дристала.

«Я ненавижу свою жизнь», — подумала она, и в этот момент живот скрутило с новой силой.

Глава 8. Великий Герцог

Он сидел в кресле перед камином, и это было зрелище, достойное кисти великого художника.

Лорд Эдмунд де Крофорд, герцог Пертомберлендский, потомок древнего драконьего рода, чьё имя с трепетом произносили от Северного моря до Пустошей Ветров, был воплощением мощи и аристократического достоинства.

Чёрная рубашка из тончайшего шёлка была расстёгнута на груди, открывая рельефные мышцы и старый шрам от демонического клинка — память о битве при Кровавом Ущелье. Волнистые волосы цвета воронова крыла, густые и длинные, свободно рассыпались по широким плечам, мерцая в отблесках пламени. Острые скулы, волевой подбородок, миндалевидные глаза, в которых горел холодный разум хищника, прямой и тонкий нос...

Он был величественен. Он был горд. Он был самым совершенством мужской красоты и власти.

В правой руке он держал тяжелый хрустальный бокал. В бокале плескалось крепкое вино, цветом напоминающее тёмную кровь. Эдмунд сделал медленный глоток, чувствуя, как терпкая жидкость обжигает горло, и откинулся в кресле.

Кресло было обито темно-бордовым мягким бархатом. Бархат ласкал его бёдра, спину, руки.

Если бы кто-то зашёл в покои в эту минуту, он бы увидел величие. Он бы увидел мощь. Он бы, вероятно, рухнул на колени и прошептал: «Ваша светлость!»

А потом он бы опустил взгляд...

Его сиятельство все ещё стояло.

И горело.

Эдмунд пошевелился в кресле, устраиваясь поудобнее. Огонь был уже не таким ярким, как в подземелье — не пылал, не прорывался слепящим золотом. Теперь это было ровное, глубокое, пульсирующее тепло. Как уголёк, который тлеет в золе и не хочет гаснуть.

Лорд Эдмунд де Крофорд, герцог Пертомберлендский, ощутил бархат кресла своим достоинством.

«Приятно», — с удивлением подумал он. — «Единственное приятное ощущение за этот чертов день».

Он посмотрел вниз.

На полу у кресла валялись две пары штанов. Шёлковые — те самые, новые, от лучшего портного столицы с аккуратной обугленной дырой в районе ширинки. Рядом — кожаные, его любимые, из шкуры горного тролля. Он попытался надеть их после того, как снял прожжённые шёлковые. Результат был тот же: ткань задымилась, кожа почернела, и Эдмунд успел стянуть их раньше, чем пламя перекинулось на рубашку.

Теперь он сидел в одной рубашке. С бокалом вина. И с горящим достоинством между ног.

«Величественно», — подумал он с иронией. — «Гордо. Как же».

Он отхлебнул вино и перевёл взгляд на огонь. Пламя в камине плясало, отбрасывая тени на стены, и Эдмунд позволил себе на минуту забыть о проблемах.

Всего на минуту.

Потому что проблемы никуда не делись.

Через две недели в столицу должны были приехать парламентёры из страны орков. Тех самых зелёных и клыкастых, с которыми Пертомберленд воевал десять лет.

Война была кровавой, беспощадной, выматывающей обе стороны. Переговоры о мире. Исторический момент. Его обязанность как герцога и советника короля — присутствовать, вести дипломатию, смотреть в жёлтые глаза зеленых парламентаров и не моргать первым.

А у него горел член.

«Боги», — подумал Эдмунд, чувствуя, как к вину добавляется горечь отчаяния. — «Там будут эти зелёные. С топорами. Они учуют запах горящей ткани — у них нюх, как у собак — и что подумают? Что герцог Пертомберлендский так рад миру, что у него штаны загорелись?»

Он представил эту картину: преговорный пункт, длинный стол, король во главе, оркские вожди напротив. Он входит — в новом плаще, с гордо поднятой головой. Садится. Орки смотрят на него с подозрением. И тут из-под стола начинается золотистое свечение.

«Может, заказать у кузнеца?..»

Мысль была абсурдной, но он всё равно её додумал.

«Какую-нибудь металлическую накладку. Асбестовую прокладку. Керамический колпачок, как на печных трубах... Нет. Будет выглядеть нелепо».

Он отбросил эту идею.

«Плащ. Ходить в плаще. Длинном, до пола. Прикрывать... эту зону».

Он представил себя в парламенте. В плаще. Среди лета. Коллеги-герцоги перешёптываются, показывают пальцами. Кто-то обязательно спросит: «Ваша светлость, вам не жарко?»

«Что я отвечу? «У меня траур по штанам»?»

Он вздохнул. Плащ тоже не подходил. Потому что орки — параноики. Они решат, что он прячет под плащом оружие. Начнут обыскивать. Потребуют снять плащ. А там...

Эдмунд посмотрел вниз.

«Что-то посильнее оружия», — подумал он мрачно. — «Они решат, что я пришёл на переговоры с заряженной баллистой под плащом. Межкультурный конфликт. Дипломатический скандал. Война продолжится, и всё из-за того, что у меня...»

Он не договорил.

Внутри него взревел дракон.

— А ЧТО ТЫ ВООБЩЕ ПЕРЕЖИВАЕШЬ?! — голос в голове был таким громким, что Эдмунд поморщился. — ПУСТЬ ВИДЯТ! ПУСТЬ ЗНАЮТ! ЧТО ЛОРД ПЕРТОМБЕРЛЕНДА НАШЁЛ ИСТИННУЮ — ЭТО ГОРДОСТЬ! ЭТО ПРЕСТИЖ! ВСЕ ВЕЛИКИЕ ДРАКОНЫ ВСЕГДА ХВАСТАЛИСЬ СВОИМИ ИСТИННЫМИ! А ТЫ ХОЧЕШЬ ЭТО СКРЫВАТЬ! СТЫДНО? БОИШЬСЯ? МАЛО ЛИ ЧТО ОРКИ СКАЖУТ — ТЫ ЖЕ ЛОРД! ТЫ ДРАКОН! ТЫ...

— Заткнись, — сказал Эдмунд.

Дракон не заткнулся.

— СОИТИЕ! НАМ НУЖНО СОИТИЕ! НАША ИСТИННАЯ ЖДЁТ В ВОСТОЧНОМ КРЫЛЕ! ОНА ЧИСТАЯ! ОНА ПАХНЕТ ЛАВАНДОЙ! Я ЧУЮ ЧЕРЕЗ СТЕНЫ! ОНА...

— Я сказал, заткнись. Ты, который ещё вчера был гордым, мудрым, древним змеем — хранителем рода, носителем вековой мудрости, существом, которое дышало огнём на армии захватчиков! Сейчас ведешь себя как истеричка!

— НЕ ЗАТКНУСЬ! Я ТЫСЯЧУ ЛЕТ ЖДАЛ! ТЫСЯЧУ, ЭДМУНД! ДРАКОНЫХ ЛЕТ!

— Нам всего триста сорок семь лет...

— Я СЧИТАЛ КАЖДЫЙ ДЕНЬ! КАЖДЫЙ ЧАС! КАЖДУЮ СЕКУНДУ! И ТЕПЕРЬ, КОГДА ОНА РЯДОМ, ТЫ ХОЧЕШЬ СИДЕТЬ В КРЕСЛЕ И ДУМАТЬ О ПЕРЕГОВОРАХ?!

Эдмунд сделал ещё один глоток вина. Вкус уже не чувствовался.

— А что я должен делать, по-твоему? Ворваться в её покои и...

— ДА! ДА, ИМЕННО! ВОРВАТЬСЯ! СХВАТИТЬ! ОСЫПАТЬ ДРАГОЦЕННОСТЯМИ! ВСЕМИ, КАКИЕ ЕСТЬ В СОКРОВИЩНИЦЕ! КУЧУ НОВЫХ ПЛАТЬЕВ! НЕОБОССАННЫХ!

— Ты бредишь, — устало сказал Эдмунд.

— ЭТО ТЫ БРЕДИШЬ! Я В ЗДРАВОМ УМЕ И ТВЁРДОЙ ПАМЯТИ! ПРИКАЖИ ПРИНЕСТИ СЮДА ТУ КРЫСУ! КОТОРУЮ ОНА ПРИНЕСЛА! КАК СИМВОЛ ЛЮБВИ!

Эдмунд почувствовал, как у него дёргается глаз.

— Ты хочешь, чтобы я хранил дохлую крысу как символ любви?

— ДА! ОНА ПРИНЕСЛА ЕЁ НАМ! ЭТО ЖЕРТВА! ЭТО ПОДНОШЕНИЕ! ОНА ЗНАЛА, ЧТО МЫ ЛЮБИМ КРЫС! МЫ ЛЮБИМ ИХ ГРЫЗТЬ! МЫ...

— Я не грызу крыс. Ты грызёшь. Когда я сплю и не контролирую этот процесс.

— НУ, ВСЁ РАВНО. СИМВОЛ! ПРИНЕСИ.

— Нет.

— ПРИНЕСИ!

— Нет, дракон.

— ТЫ ЖАЛОК!

— Я знаю. — Эдмунд отставил бокал и потёр переносицу. — Слушай. Давай к делу. Этот... огонь. Он будет гореть каждый раз, когда я вижу Изабеллу?

Дракон фыркнул. Мысленно. Но фыркнул так, что Эдмунд почувствовал, как по позвоночнику пробежала волна тепла.

— НЕ КАЖДЫЙ. ТОЛЬКО В МОМЕНТЫ ЯРКИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ. КОГДА ТЫ ВИДИШЬ ЕЁ ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ. КОГДА ОНА ДЕЛАЕТ ЧТО-ТО НЕОЖИДАННОЕ. КОГДА ТЫ ЗЛИШЬСЯ ИЛИ... НУ, ИЛИ ВОЗБУЖДАЕШЬСЯ.

— И это должно продолжаться всю жизнь?

— ПОКА НЕ ПОГАСИШЬ МЕТКУ.

— И как её погасить?

Дракон замылся. Внутреннее молчание длилось секунду. Две. Три.

— НУ... НАДО КАК-ТО ВЫПЛЕСНУТЬ ЭНЕРГИЮ.

— Выплеснуть энергию, — медленно повторил Эдмунд. — То есть... Не обязательно проводить ночь любви с истинной?

Дракон молчал.

Первый раз, зараза, за сегодняшний день он замолчал. Совсем. Надолго. Подозрительно надолго.

— Дракон, — голос Эдмунда стал тихим и опасным. — Говори. Или я тебя запечатаю.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ! Я ТВОЯ СУТЬ! БЕЗ МЕНЯ ТЫ — ГОЛЫЙ КОРОЛЬ!

— Я и так голый, — сказал Эдмунд, кивнув в сторону обугленных штанов.

Дракон помолчал ещё немного.

— НУ... ДА, — согласился он наконец. Голос его был тихим, виноватым, каким-то подкаблучным.

— Достаточно. Просто. Соития, — медленно, почти по слогам, сказал Эдмунд, осознавая смысл. — С кем-нибудь.

— НЕ «С КЕМ-НИБУДЬ»! С СОГЛАСНЫМ! НУ, ТО ЕСТЬ...

— С кем угодно, — закончил за него Эдмунд. — Достаточно просто кончить, так?

Дракон издал страдальческий стон.

— ЗВУЧИТ ПОШЛО. НО ДА. НО ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ НАСТОЯЩЕЕ СОИТИЕ! С ЖИВЫМ СУЩЕСТВОМ! А НЕ... НЕ...

— Не рукой, — понял Эдмунд. — Ясно.

Он замолчал. В голове вертелись мысли.

«Достаточно с кем-нибудь. С любым. Не обязательно с Изабеллой. Стоит только... и метка погаснет. Хотя бы временно».

Почему-то первая мысль, которая пришла ему в голову, была:

«Берт».

Эдмунд мотнул головой, отгоняя абсурд. С чего он вообще взял Берта? Стражник. Грубый. С чесночным перегаром. Нет.

«Берт», — снова подумалось ему, и он снова мотнул головой.

«С женщиной. С любой женщиной. Проведу ночь с ней — и всё решится. А к Изабелле даже прикасаться не буду. Предательница. Организовала покушение. Месяц врал. Созналась только под пытками. Нет».

Дракон внутри него взревел:

— **НО ОНА ЖЕ ИСТИННАЯ! ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ТАК! ЭТО ПРЕДАТЕЛЬСТВО СУЩНОСТИ! ВЕКОВЫЕ ТРАДИЦИИ! ВСЕ ВЕЛИКИЕ ДРАКОНЫ ВСЕГДА...**

— Все великие драконы, — перебил Эдмунд, поднимаясь с кресла, — умерли. А я ещё нет. И я сделаю так, как считаю нужным.

Он подошёл к окну. Шторы были раздвинуты, и ночное небо смотрело на него тысячами холодных звёзд.

Эдмунд стоял у открытого окна. Гордый. Величественный. С длинными распущенными волосами цвета воронова крыла, развевающимися на ветру. С расстёгнутой рубашкой, открывающей красивую рельефную грудь.

Ветер играл с воротником, шевелил пряди, охлаждал разгорячённую кожу.

И охлаждал голый зад.

Эдмунд не обращал на это внимания. Он крутил в руке бокал с остатками вина, смотрел на звёзды и улыбался. Всё решается. Есть выход. Не нужно прикасаться к предательнице. Он найдёт женщину — любую, красивую, покладистую — проведёт с ней ночь, и проклятая метка погаснет. Хотя бы на время.

Он стоял у окна. Величественный. Гордый. Решительный.

Внизу, во дворе замка, кто-то громко икнул.

Эдмунд мельком глянул вниз. Какая-то тень, шатаясь, пыталась найти дорогу в казарму. Кажется, это был Петэр — тот самый, который не пришёл на смену вовремя и получил от Берта по морде. Теперь он очухивался после драки, тёр ушибленную скулу и икал.

Эдмунд снова посмотрел на звёзды, покрутил бокал и улыбнулся.

Величественно.

Гордо.

С пылающим членом.

Глава 9. Решительные меры

Прошло два дня.

Карина сидела у окна в мягком кресле, закутанная в халат из толстого махрового полотна, и смотрела на мир, которого не видела. За стеклом — размытое светлое пятно, наверное, небо. Ниже — чуть более тёмные размытые пятна, вероятно, деревья. Ещё ниже — зелёное пятно, трава или кусты.

Всё расплывалось. Было как в акварельном сне, где художник забыл провести чёткие линии.

«Черепно-мозговая травма», — в сотый раз подумала Карина, проводя ладонью по лицу. — «Авария. Удар головой. Повреждён зрительный нерв или участок мозга, отвечающий за фокусировку. Лечится. Наверное. Я не окулист».

Окулистов здесь не было. Здесь были только психи. Милые, заботливые, очень навязчивые психи, которые кормили её, поили, купали и одевали.

«Откармливают перед казнью», — мрачно думала Карина, жуя очередную булочку с мёдом, которую принесла служанка. — «Как гуся на праздник. Чтобы вкуснее был».

Булочка была вкусной. Мёд — настоящим, тягучим, с приятной горчинкой. Карина съела вторую. На всякий случай. Если уж её собираются казнить, то пусть хотя бы на сытый желудок.

— Ваша светлость, вам ещё что-нибудь принести? — спросила Анна — коренастая девушка с размытыми чертами лица, которую Карина различала только как светлое пятно на фоне более тёмной стены. — Может, взбитых сливок? Или пирожное с заварным кремом? Повар сегодня особенно старается. Он сказал, что добавил в тесто немного корицы, как вы любите.

«Я не люблю корицу», — подумала Карина.

Она не стала спорить. Эти психи были уверены, что она Изабелла. Изабелла любила корицу. Изабелла была женой их лорда-дракона. Изабелла жила в роскошных покоях, пахнущих лавандой.

От лаванды у Карины сжималось горло.

Она терпеть не могла этот запах с детства — после того, как бабушка положила сушёную лаванду в шкаф с её вещами, и все свитера пропахли этой сладковато-горькой дрянью насквозь. Карина тогда ходила в школу и чувствовала себя так, будто её засунули головой в мешок со средством от моли.

Но психи не знали. Психи думали, что Изабелла обожает лаванду. И поэтому всё вокруг — простыни, платья, подушки, даже мыло — было пропитано этим ненавистным запахом.

Карина морщилась, но терпела. Лучше лаванда, чем вонь сырого подполья.

«Психи, — снова подумала Карина. — Сумасшедшие. Самая настоящая секта. Похитили, держали в подвале, а теперь откармливают. Наверное, готовят к ритуальному жертвоприношению».

Она слышала, как вчера Анна шепталась с другой служанкой — Марией, кажется, — у дверей в коридоре. Они думали, что она спит. Но Карина не спала. Она лежала с закрытыми глазами и слушала.

— ...она такая бледная была, когда её привели, — шептала Мария. — Я думала, она не выживет. Ещё этот синяк на скуле... А теперь глянь — щёчки розовые, волосы блестят. Наша забота...

— Она же жена нашего прекрасного, восхитительного лорда-дракона, — отвечала Анна голосом, полным благоговения. — Конечно, мы должны о ней заботиться. Он бы нам головы поотрывал, если бы с ней что случилось.

Карина запомнила это. «Лорд-дракон». Видимо, титул главы секты. Тот самый высокий мужчина с бархатным голосом и фонариком в районе паха.

«Значит, я жена главы секты», — подумала Карина. — «Или та, кого они считают его женой. И раз я жена, то, наверное, должна буду с ним переспать перед тем, как меня казнят». Её передёрнуло.

Она вспомнила его силуэт в дверном проёме — высокий, широкоплечий, с узкой талией. Вспомнила его голос — низкий, бархатный, от которого у неё внизу живота что-то сладко сжималось. И фонарик. Светящийся фонарик в районе паха.

«Символ его драконьего статуса, — решила она. — Наверное, у них там так принято. Светящийся член. Или муляж. Или светодиодная подсветка, приклеенная на...»

Она отогнала эту мысль.

«Неважно! Они хотят меня казнить! Нельзя поддаваться на его голос! На его... на его приятный голос... боже, почему у него такой голос? Почему от этого голоса у меня внутри всё переворачивается?»

Карина злилась на себя. Она не должна была обращать внимание на голос человека, который собирался её убить. Но организм жил своей жизнью. И он, кажется, был не против бархатного тембра.

«Нет! — приказала себе Карина. — Ты будешь сопротивляться! Ты найдёшь способ бежать! Ты...»

Она вспомнила, что почти ничего не видит.

«Ты найдёшь оружие!»

Вчера, исследуя комнату наощупь, она наткнулась на туалетный столик. В его ящике лежали какие-то мелочи — гребни, заколки, маленькие ножницы с тупыми концами.

И ещё кое-что.

Шпилька. Китайская шпилька для волос. Или не китайская — Карина не видела, но на ощупь напоминало.

«Эти психи совсем не могут отличить европейское средневековое от азиатского! — возмутилась она про себя. — У них тут каменные стены, факелы, платья с корсетами — и вдруг китайская шпилька! Ну и бардак!»

Она спрятала шпильку под подушку.

«Буду сопротивляться, — твёрдо решила Карина. — Когда этот лорд-дракон придёт, чтобы... ну, чтобы исполнить свой супружеский долг перед казнью, я выколю ему глаз этой шпилькой. Хоть глаз, но выколю».

Она сжала шпильку в кулаке, представляя, как это произойдёт.

А потом снова вспомнила его голос.

И почувствовала, как внизу живота снова всё сжалось.

«Нет! — отчаянно сказала себе Карина. — Нельзя! Это лорд-дракон! С фонариком в паху! Они хотят меня казнить! Нельзя поддаваться на его голос! Нельзя!»

Она спешно убрала шпильку под подушку, потому что услышала, как в комнату вошла служанка.

- Ваша светлость, вам принесли новое платье.

- Какое прекрасное платье! Благодарю.

«Изумрудное. Шёлк, наверное. В нем я, видимо, буду эффектно падать с лестницы...»

Если для Карины эти два дня прошли в стиле «все включено», то для лорда Эдмунда де Крофорда эти же два дня были адом.

Он объездил полстолицы. Он опросил всех, кого мог опросить, не поднимая шума. Он посетил три тайных борделя, два клуба для взрослых и одно подпольное заведение, о существовании которого не знал даже королевский инквизитор.

Ему нужна была женщина.

Женщина, которая не испугается пылающего члена. Которая не завизжит, не убежит, не разнесёт по городу слух о том, что у герцога Пертомберлендского между ног горит огонь. Женщина, которая спокойно, профессионально сделает свою работу и уйдёт.

Проблема была в том, что нормальные женщины боялись.

Первая кандидатка — дорогая куртизанка из «Золотой лилии» — услышав про пламя, вежливо отказалась.

— Ваша светлость, — сказала она, поправляя кружевной воротник. — Я ценю ваше предложение, но я бы предпочла, чтобы мой клиент не поджигал меня во время процесса. Это... Вредно для кожи.

Вторая — авантюристка, готовая на всё за хорошие деньги — согласилась, но, когда Эдмунд снял штаны и продемонстрировал золотистое пламя, побледнела и выбежала из комнаты, молясь на ходу.

— Я не ведьма! — крикнула она уже из коридора. — Я не буду с этим связываться!

Третья... третья была странной.

Эдмунд уже отчаялся, когда один из его старых знакомых, шепнул ему на ухо:

— Ваша светлость, вам нужна Лилиан. Она... особенная. Она любит боль. Чем больнее, тем лучше. Говорят, она даже платит клиентам, если они делают ей достаточно больно.

Эдмунд поморщился, но решил попробовать.

Лилиан оказалась высокой брюнеткой с острыми скулами и хищным взглядом. Когда она вошла в его покои, плащ уже летел на пол.

— Ваша светлость, — сказала она, и в голосе её звучало предвкушение. — Я слышана о вашей... проблеме. Поверьте, я сгораю от нетерпения.

Она рассмеялась собственной шутке — громко, с придыханием, явно ожидая, что Эдмунд оценит.

Эдмунд не оценил.

Он стоял у камина, скрестив руки на груди, и смотрел на неё тяжёлым взглядом.

— Говорят, у вас там... — Лилиан кивнула в сторону его паха. — Настоящее пламя? Драконье? Оно обжигает?

Эдмунд помолчал.

— Меня — нет, — ответил он честно. — Я не знаю, как оно действует на других. Но, вероятно, обжигает.

Он предполагал, что пламя, которое не причиняло вреда ему, может быть смертельным для любого другого. Это было логично — драконья магия редко бывает безопасной для обычных людей. Он предупредил. Совесть чиста.

Глаза Лилиан загорелись.

— «Вероятно, обжигает», — повторила она с придыханием, и её губы расплылись в улыбке. — Ваша светлость, вы даже не представляете, как я долго ждала такого клиента. Горячо — это моё всё. Я перепробовала всё: горячий воск, раскалённые щипцы, угли. Но чтобы драконье пламя... это вершина! Это то, о чём я мечтала всю жизнь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.